

Первые
ЛЮДИ

Никита Тихомиров

Хождение
в Похъёлу

Никита М. Тихомиров
Хождение в Похъёлу
Серия «Первые люди»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63350213
Хождение в Похъёлу: Руда; Москва; 2021
ISBN 978-5-9073551-1-8

Аннотация

Похъёла – мифическая, расположенная за северным горизонтом, суровая страна в сказаниях угро-финских народов.

Время действия повести – конец Ледникового периода. В результате таяния льдов открываются новые, пригодные для жизни, территории. Туда устремляются стада диких животных, а за ними и люди, для которых охота – главный способ добычи пищи.

Племя Маакивак решает отправить трёх своих сыновей – трёх братьев – на разведку новых, пригодных для переселения, земель. Стараясь следовать за стадом мамонтов, которое, отпугивая хищников и всякую нечисть, является естественной защитой для людей, братья доходят почти до самого «края земли»...

Содержание

От автора	6
I. Пробуждение предков	9
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Никита Тихомиров

Хождение в Похъёлу

© Н. М. Тихомиров, 2020

© Издательство «Руда», 2020

© Л. Д. Магонова, иллюстрации 2020

© Н. В. Мельгунова, художественное оформление 2020

* * *

От автора

Ледник медленно отступал, высвобождая всё новые и новые пространства. Кончалась эпоха Великого оледенения. Менялся мир: на смену необозримым равнинам тундростепи, вместе с таянием мерзлотных почв, приходят леса; северные олени, первобытные бизоны, лошади и мамонты потянулись вслед уходящим к северу открытым ландшафтам, всё ещё полным привычной пищи.

Место действия повести, по авторскому замыслу, – северо-восток Русской равнины, а именно Приуралье и регион Печоры. Географические привязки сюжетного пространства повести раскрываются в указании отличительных деталей рельефа: Срединный хребет, протянувшийся с юга на север – Уральские горы; Большая вода в далёкой Похъёле – внутреннее пресное море, некогда объединявшее воды Балтийского моря, Ладожского и Онежского озёр и подпиравшееся ледником; Туннело – приледниковая зона, лишённая плодородной почвы, глинистая поверхность которой становилась ловушкой для проходящих по ней животных.

Современная наука считает, что ряд ныне существующих языковых семей зародились в эпоху палеолита – древнекаменного века. К таким семьям относятся индо-европейская, сино-тибетская, айнская и финно-угорская. Причём последняя, вероятно, наиболее древняя: носители генома

финно-угров в позднем палеолите проживали на крайнем юго-западе Китая, на территории нынешней провинции Юннань. В течение тысячелетий предки финно-угров постепенно смещались на северо-запад, преодолевая равнины Китая, Монголии, горные проходы Саяно-Алтая и впоследствии достигли региона Урала.

В ту далёкую эпоху – десять-одиннадцать тысяч лет назад – предки современных финноязычных народов начали расселение по вскрывшимся от ледника землям, покидая ранее обжитые места. Время таяния ледникового щита – период глубочайшего кризиса в истории человечества, когда численность людей из-за нехватки пищевых ресурсов сокращалась. Именно об этих событиях и рассказывает книга. Перемещения племён являлись вынужденными, так как стада травоядных, которые были основным объектом охоты, откочёвывали с оскудевших мест. Прямым следствием миграций населения стала борьба человеческих коллективов за богатые охотничьи угодья.

Сегодня стала очевидна и древность многих мифологических сюжетов. Если ранее в науке господствовало мнение, что дошедшие до наших дней мифы, легенды и эпосы родились в эпоху Средневековья, Древнего мира и максимум – неолита (новокаменного века), то теперь всё очевиднее становится, что в фольклоре многих народов содержится информация, прошедшая сквозь тысячелетия из Ледникового периода. Карело-финский эпос «Калевала» не исключе-

ние. Изобильный край Вяйнёла (в повести Вёёни) – прародина протофиннов; богиня Ильматар (в повести Алматар), дочь ветра, мать вод; Тапио (в повести Таапо), лесной хозяин – всё это отголоски древнейших преданий и верований, на которые напластовались детали более поздних эпох. Герои «Калевалы» – Вяйнемейнен (Вёёниемин), Лемминкяйнен (Атхо), Ильмаринен (Алмори), Лоухи (Лоукка) – так же, вероятно, восходят к древнейшим временам.

Повесть «Хождение в Похьёлу» – творческий вымысел, хотя и базирующийся на научной основе. Поэтому есть в ней и абсолютно вымышленные детали. Самым большим преувеличением автора является сюжет об одомашнивании жителями Сурьиолы символа эпохи оледенения – мамонта (никакими доказательствами на этот счёт наука не располагает). Однако в «Калевале» значится сюжет об огромных быках хозяйки Похьёлы, стадо которых она отправляет пасти героев эпоса. Соотнесение быков хозяйки Похьёлы с мамонтами стало логичным продолжением творческого замысла.

Надеюсь, что прочтение книги принесёт читателям не только интеллектуальное удовольствие, но и пробудит интерес к прошлому нашей большой родины, к культуре населяющих её народов.

I. Пробуждение предков

*Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу,
Быть готовым к пенопению
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.*

Калевала. Руна первая

С хрустом и треском проламываясь сквозь усохшую еловую поросль, переваливаясь через поваленные стволы, раздвигая руками клонящиеся к земле колючие ветви, двое мужчин пробирались через коряжник вдоль берега неширокой реки.

Мутные зеленоватые воды тихо струились меж обрывистых откосов, прячущихся в патлах нависающей побуревшей травы и в густых тальниках. С приглушённым журчанием река уходила под завал обглоданных ледоходом брёвен и вновь безмятежно продолжала свой путь до следующего затора. Из-под ног с писком выскакивали потревоженные мыши и полосатые бурундуки. Оставив на воде мелкую рябь, вслед за матерью метнулся в заросли прибрежных трав не перелинявший ещё до конца утиный выводок. На опалённой молнией верхушке старой ели всю трещала-заливалась кед-

ровка. Взбалмошный её крик звонко разлетелся над седым замшелым лесом и отражался от затянутого серой прозрачной мглой низкого неба.

Идущий впереди высокий жилистый охотник с длинной вьющейся бородой, прикрывающей связку гремящих ожерелий на впалой груди, покосился недобрым взглядом на заходящуюся в истеричном крике кедровку. Теперь уж точно вся нечисть в округе знает о двух людях, забредших на свою голову в эти глухие места. Скоро солнцу садиться, а они всё никак не могут дойти до следующей стоянки. Видно, сбились где-то. Не нужно было подходить так близко к воде. Держались бы правее, не угодили бы в эту непролазную чащу. Скорее б выбраться, да до темна насобирать дров. Наверняка, едва начнёт смеркаться, явятся здешние хозяева.

Он устало посмотрел направо и скривил губы – там, за чахлой паутиной серых ломких веточек, по-прежнему тянулась ржавая болотина. Не свернёшь. Прозевали они где-то развилку на узкой зверовой тропе. Перехитрил их коварный Л'ёкко. Охотник вздохнул, поправил перекинутые через плечо ремни от колчана и убранного в чехол лука и широкую лямку сумы с припасами, одёрнул задравшуюся меховую безрукавку, остановился и, опершись на копьё, обернулся.

Шедший следом молодой охотник с едва опушённым завитками светлой бороды подбородком чуть не ткнулся во внезапно остановившегося старшего попутчика. Поймав его

недоумённый взгляд, долговязый кивнул через плечо в сторону полузасохшей ели. Молодой понимающе тряхнул головой.

– Худая птица, – произнёс он и настороженно повёл глазами по окружающему криволесью.

– Скоро дойдём, – сказал старший, стараясь говорить ровным голосом, но получилось у него это как-то не слишком уверенно. – Стоянка где-то поблизости. Брат не стал бы делать длинных переходов даже в таком месте. Думаю, вот-вот выйдем.

Молодой не ответил, явно уловив нотки сомнения в голосе старшего. А вдруг стоянка находится вообще в стороне от реки? Тогда, следуя её течению, они выбрали неверное направление и, продолжая упрямо следовать ему, обрекают себя на страшную участь – очутиться посередь дремучего леса, без защиты праотцов, лицом к лицу с чудовищами ночной тьмы. Это верная погибель! До наступления темноты им придётся успеть обустроить собственную стоянку и самим вдохнуть жизнь в намо¹. Они уже полдня продираются между болотом и сильно вихляющей рекой, а потерянная тропа, скорее всего, по прямой срезает речные петли. Значит, Вёе-ниемин мог пройти достаточно далеко, прежде устраиваться на ночлег. Они вообще могут не достичь следующей стоянки брата до темноты. И тогда...

---

¹ Намо (от финского naatio) – личина. Такие личины вырезали для защиты жилища от нечисти.

Думать о том, что произойдёт тогда, обоим совсем не хотелось.

– Пойдём, – вновь сказал старший, поворачиваясь лицом к неведомой глубине нехоженого леса.

Через пару шагов, угадав мысли бредущего за ним младшего брата, он добавил:

– Возвращаться и искать потерянную тропу нет времени, мы погибнем.

И, не дожидаясь ответа, ускорил шаги.

Шли молча. Миновали один речной поворот, затем другой. И по-прежнему справа чернели застоявшиеся болотные воды, а слева – все так же неторопливо, бесшумно текла река. Впереди меж заскорузлых обомшелых стволов громоздились казавшиеся непроходимыми завалы бурелома, сквозь которые им всё же удалось пролезть. Натруженные ноги болели, заставляя обоих путников постоянно думать об отдыхе. Но оба знали – останавливаться нельзя! И они дружно продолжали двигаться вперед. Чем дальше шли, тем мрачнее и тревожнее становились их взорванные от пота лица.

Сколько ещё они шли, сколько речных петель осталось позади, они не смогли бы ответить, если бы кто и спросил. Ни один, ни второй того не считали, всецело отдаваясь одному лишь желанию – достичь во что бы то ни стало безопасной стоянки.

Внезапно они поняли, что гнилостный запах болота, который с полудня неотступно сопровождал их, куда-то улету-

чился. Оба удивлённо посмотрели в сторону и, к своей радости, обнаружили, что обоняние их не обмануло. Болото исчезло, осталось где-то позади, за тесной чередой еловых стволов. Не сговариваясь, они свернули вправо и вскоре ступили на узкую, но хорошо утоптанную оленьими и лосиными копытами тропу. Тяжело переведя дыхание, они переглянулись, и их лица осветились торжеством.

Небо начинало тускнеть. Светлое пятно в гусином пухе серых облаков, которое до того висело над лесом за левым плечом, опустилось за деревья, предвещая завершение дня. Охотники, решив, что они либо доберутся все-таки до стоянки, либо выберут удобное место, если она осталась где-то позади, собрали остатки сил и перешли на бег, стараясь обогнать наступление ночи.

Тропа то и дело ветвилась, распадаясь на отдельные рукава, но люди, раз уже обманутые хитрым лесным стариком, упрямо держались избранного направления, не сворачивая ни в одну, ни в другую сторону. Напрасно одноглазый Лёкко² выглядывал из тёмной глухомани – охотники, не поддаваясь на его уловки, быстро продвигались вперёд. Нет, не видать старику удачи, не пировать над костями двух загубленных странников! Осталось пересилить юхти³, которые под покровом темноты непременно выползут из нор и щелей в

---

² Лёкко – леший (от саамского liekkie).

³ Юхти – злые духи у саамов. Ассоциируются с пещерными гиенами (как очень коварные и злые существа).

надежде поживиться человеческой плотью.

Уже в обволакивающем землю сиреневом сумраке охотники заметили впереди, меж мельтешащих ветвей, белёсую затесь на одном из стволов и наперегонки бросились к ней, боясь обнаружить ошибку. Они еле сдерживали готовую прорваться наружу радость.

На неширокой прогалине, окружённой огромными елями, находился крохотный шалаш, обложенный потускневшим лапником, местами съехавшим и обнажившим неошкуренные жерди остова. Напротив входа в шалаш, на шершавом стволе, виднелся грубо сработанный лик с нависающими надглазьями, прямым носом и продолговатым отверстием рта, перепачканного давно высохшей, потерявшей яркость жертвенной кровью. У оголённых корней дерева были сложены аккуратной кучкой объеденные до белизны муравьями и мышами олени кости – остатки подношений для хёнки⁴. Всё было как обычно, как и на других стоянках, которые оставлял после себя шедший впереди старший брат.

Охотники окинули стоянку лишь беглым взглядом и тут же, побросав оружие и поклажу, кинулись собирать дрова. Огонь был ещё одним непременным условием ночлега наряду с охраняющим их спокойствие хёнки и крышей над головой. Огонь был нужен им, чтобы отпугивать юхти. Братья лихорадочно сновали вокруг лагеря, подбирали валежины, выламывали сухостоины и швыряли всё это к шалашу, не забы-

---

⁴ Хёнки – дух-охранитель.

вая поглядывать по сторонам и прислушиваться. Впрочем, пока дневной свет окончательно не померк, вряд ли можно было ожидать появления ночных демонов.

Когда запас дров, включая два бревна, которые они подволокли последними, показался им достаточным, чтобы всю ночь отпугивать лесную нечисть, мужчины развели огонь и, вооружившись, сходили к реке за водой, после чего принялись обустраивать своё временное пристанище. Наломав побольше лапника, они подновили кровлю, а остатками закидали пол ветхого жилища. Лишь когда со всеми приготовлениями к ночёвке было покончено, мужчины принялись за еду. Покопавшись в сумке, худощавый достал из неё остатки вяленого мяса, смешанного с жиром, и пригоршню морошки, собранной на ходу, когда они шли вдоль болота. Запивали все это мутной речной водой из бурдюка. Голодные и усталые, они быстро прикончили скудные запасы и блаженно развалились возле небольшого, весело потрескивающего огня.

Когда в разошедшиеся тучи на землю уже поглядывал месяц, старший из охотников очнулся от сморившего его сна, поднялся и торопливо подкинул в затухающий костёр охапку дров. Второй, закинув руки за голову, громко похрапывал по ту сторону огня. Долговязый напряжённо осмотрел притихший, тонущий во мраке лес, постоял, прислушиваясь, и растолкал брата. Спросонья тот непонимающе завертел головой, потянулся к оружию, но заметив, что старший не про-

являет признаков беспокойства, виновато улыбнулся и, зевнув, поднялся с земли. Покосившись на хёнки, он, без слов поняв брата, направился к шалашу. Старший поднял глаза к небу, почесал затылок, прикидывая что-то в уме, а затем решительно подкатил оба бревна и уложил их в огонь. Дождавшись, когда повеселевшее пламя побежит по необлупившейся коре, он удовлетворённо хмыкнул и тоже полез в шалаш. Оттуда уже доносился храп молодого охотника.

В эту ночь их никто не тревожил. Должно быть, убоявшись хёнки-заступника и яркого пламени, юхти решили выждать более благоприятный момент для расправы над чужаками, так бесцеремонно вторгшимися в их владения.

Натянутые лямки походного мешка, который болтался за спиной, даже сквозь одежду больно давили на плечи, ныла поясница, саднило ушибленное о скрытую в высокой траве коряжину колена. Уткнувшись взглядом в худую спину ровно шагавшего впереди исавори⁵, Пойкко кусал губы, мечтая скорее избавиться от давящей ноши. Круглая шапочка исавори из темной замши, украшенная цепочками бисеринок, при ходьбе ритмично подпрыгивала вверх-вниз, ещё больше раздражая подростка. Несмотря на свои нешуточные лета, старик был ещё полон сил. Особенно чувствовалось это на переходах – к вечеру, на привалах, Пойкко еле шевелился, а Каукиварри продолжал бодро собирать валежник для ко-

---

⁵ Исавори – дед (от финских слов *isolisa*, *voor*).

стра и сооружать куvas⁶. И вот теперь опять! Но на исавори он не злился, совсем нет, а досадовал на себя, на свою немощность. Потому и не смел просить Каукиварри об отдыхе. Настоящему охотнику, которым он, Пойкко, в скорости станет, пройдя обряд посвящения, не пристало показывать слабость. Вот и сейчас, стиснув зубы и вцепившись покрепче в лямки, он шёл и шёл по выющейся лесной тропке, стараясь не отставать. Исавори сказал, что до реки осталось немного. А там, как дойдут, будет отдых. Значит, надо поднапрячься и терпеть.

Вскоре деревья отошли посторонь, и старик с мальчиком вышли на залитую солнцем прогалину, покрытую высокими травами, которые шелестели при дуновении влажного ветерка. Это была заросшая речная старица. Комариный писк превратился в неумолчный гул, насекомые лезли в лицо, забивались в глаза и нос, десятками приставали к смазанной медвежьим жиром коже. Некоторые, невзирая на обильную смазку, умудрялись вонзить острое жало в оголённое место и тут же начинали сосать кровь. Пойкко изо всех сил отмахивался от назойливых кровопийц и размазывал их по щекам в неравной и безнадёжной битве с неисчислимым воинством.

Они быстро миновали открытое место, вломились в густой черемошник, по кочкам перепрыгнули через сочащуюся водой западину и вновь оказались под сенью деревьев. За елями виднелся новый просвет, светлой полосой расхо-

---

⁶ Куvas – лёгкий шалаш из жердей, лапника или травяных снопов.

дящийся в обе стороны. За прогалиной вздымались в небо островерхие вершины ельника.

– Ну, вот и пришли, – внезапно остановившись, произнёс Исавори и обернулся к мальчику.

Пойкко едва успел скрыть кислое выражение лица – не заподозрил бы старик, как трудно дался ему этот переход.

– До стойбища Саусурри ещё далеко, не дойдём. Сегодня заночуем здесь, – заметив отразившийся на лице Пойкко испуг, старик торопливо добавил: – Тут место есть поблизости, с нами и куванпылом⁷. Там и отдохнём.

Каукиварри огляделся и указал на частокол мохнатого елового подростка.

– Лодки, – кивнул он.

Пойкко сбросил заплечный мешок, снял через голову чехол с колчаном и луком и вприпрыжку (откуда силы взялись!) побежал исполнять не высказанное повеление. Исавори остался на месте, прислонившись к дереву.

Мальчик прорвался сквозь колючие заросли и увидел жердяные стойки, на которых покоились три перевёрнутые кверху днищами лодки. Это были самые обычные берестянки, какими обычно пользуются на охоте и для рыбной ловли. Эти лодки, в отличие от больших, вместительных Исовен⁸, особо не берегут, оставляя на месте промысла. Пойк-

---

⁷ Куванпыл – истукан, идол (от финских слов kuvain – отражение, puu – дерево, pulvas – столб).

⁸ Исовен – большая лодка-долблёнка.

ко обошёл стойки, осматривая лодки. Одна оказалась пробитой, должно быть, кто-то ткнул на ней в донную корягу. Вторая выглядела старой и потёртой. Сядешь в такую – изо всех швов вода хлынет. Годной показалась только одна лодка, с виду не имевшая явных изъянов. Мальчик ухватился за кожаный ремешок, закреплённый спереди, и осторожно спустил челнок на присыпанную хвоей землю. Он приподнял передний конец лодки, подлез под неё и, выпрямившись, легко понёс её на плечах.

Исавори, тем временем, уже спустился к берегу и поджидал его у самой воды. Пойкко снёс берестянку вниз, с помощью старика поставил её на воду и побежал к лесу за своим оружием. Подхватив за ляжку свои (ещё детские) колчан с луком и заплечный мешок, он поскакал обратно, уже забыв про ушибленное колено.

Они быстро погрузились в лодку и старик, усевшийся позади, сильно оттолкнул её копьём от илистого берега. Берестянка стремительно заскользила по гладкой воде к противоположному тенистому берегу. Река была неширокой и, трижды толкнувшись копьём, Каукиварри подогнал её к нависшим над водой кустам. Пойкко хотел было уже вылезти прямо в воду, но старик развернул лодку против течения и уверенно повёл её вдоль зелёной стены ивняка. Вскоре в кустах показался узкий проход, и берестянка, нырнув в него носом упёрлась, в обрывистый берег. Пойкко, нетерпеливо ждавший этого момента, спрыгнул на влажную скользкую глину,

ухватился за ремень и выволочил приподнявшийся нос челнока на берег. Исавори одобрительно шмыгнул и, сбросив поклажу на покатый склон, ступил на землю. Вдвоём, помогая друг другу, они втянули лодку на обрыв и взгромоздили пузатым днищем кверху на сушила – точно такие же, как и на оставленном берегу. Затем Пойкко спустился с обрыва и подобрал вещи. Закинув тяжёлые мешки и оружие на упругую дерновину и хватаясь за свисавшие корни, он перевалился через бровку обрыва. Взяв вещи, они с исавори углубились в лес.

Через несколько десятков шагов они вышли на небольшую, очищенную от подроста, хорошо утопанную прогалину. Посередине располагалась глубокая очажная яма, обмазанная глиной. Возле неё громоздился изрядный запас дров. На обломанных сучках ближней к очагу ели, отмеченной нам, были развешаны берестяные кузовки, воронки, чаши и коробка для всевозможных нужд останавливающихся здесь рыбаков и охотников. Серыми ошметьями свисали старые попорченные сети, усохшие от постоянного воздействия влаги и солнца мешочки, связки рассыпающихся трав, драная обувь из рыбьей кожи, чья-то давно забытая рукавица, огромная щучья голова и берестяная маска подводного хозяина с большими красными полукружьями над прорезями глаз и обведённым такой же полосой ртом. За очагом, вдоль кромки утопанной площадки, стояло несколько кувазов, крытых корьём, кусками бересты и лапником. Часть из

них недавно была подлатана, другие же находились в разной степени запустения. Видимо, ими не пользовались аж с прошлого лета. На торчащих из кровли шестах болтались связки защитных амулетов, связанные рябиновые веточки и тонкие скрученные берестяные полоски, на которых обычно выцарапывают знаки обращённых к богам молитв.

Каукиварри смело, по-хозяйски, пересёк центральную площадку, подошёл к одному из подновлённых шалашей, заглянул в него, сгрузил на пороге поклажу и распрямылся, уперев кулаки в поясницу.

– Тяжко ходить старому! – с унылой улыбкой протянул он и поманил Пойкко пальцем. – Здесь и заночуем.

Он заботливо посмотрел на подходящего мальчика, и в его глазах вспыхнул огонёк участия.

– Ты-то как?

Мальчик проскользнул мимо него и лишь едва заметно кивнул, как бы говоря, что у него всё в порядке. Он опустил ношу возле старика и, стараясь казаться бодрым, стал ходить вокруг, с неподдельным любопытством разглядывая охотничий лагерь.

За куvasами располагались сушила для рыбы. Сейчас перекладины были пусты, если не считать одинокой крохотной птички светло-жёлтого окраса, которая прыгала туда-сюда, перепархивала с жерди на жердь, чёрным глазом посматривая на двуногих пришельцев, нечаянно или намеренно потревоживших её. При приближении Пойкко птичка звонко

пискнула и упорхнула. Пойкко посмотрел на проглядывающее сквозь прорехи в еловых кронах голубое небо, прищурился от игры солнечных бликов, затем опустил глаза и проморгался от выступивших слёз. Нечаянно взгляд его упал на странно выступавшие позади сушил из зелёного моха обрубки древесных стволов. Продолжая вглядываться в них, он неуверенно пошёл вперёд. Все они были разной высоты, некоторые едва доставали до пояса взрослому человеку, другие были выше головы. Одни, образуя тесный ряд, скопом завалились на одну сторону, в то время как другие, более длинные, беспорядочно торчали как попало.

Мальчик обогнул сушила и подошёл к странным обломкам стволов вплотную. Теперь всякие сомнения покинули его. Это были именно столбы, вкопанные и отёсанные человеком, а не сломленные ураганом деревья.

Сквозь сеть трещин и выщербин он начал различать на изъеденном лишайниками дереве грубо сработанные, искривлённые временем лица. Заполненные какой-то прелью углубления разверстых ртов и провалы пустых глазниц застыли в скованном вечностью немом крике отчаяния. Идолы словно взывали к оставляемому навсегда миру, смирившись с суровым законом, по которому всё рано или поздно покидает его, превращаясь в тлен.

С благоговейным трепетом, поднимавшимся из самой глубины его естества, мальчик протянул трепещущие пальцы и коснулся одного из лиц. Но тут же, ощутив присут-

ствие потусторонней силы, которая была заключена в этом куске дерева, и испытав ужас перед неведомым, отдёргнул руку, словно ожёгшись.

На плечо его мягко легла тяжёлая ладонь неслышно подошедшего со спины исавори. И это простое чувство близости родного человека мгновенно успокоило Пойкко, отогнало прочь мерзкий холодок страха из его души, развеяло охватившее его разум оцепенение.

Тихий голос Каукиварри прошуршал над самым ухом:

– Эти куванпылы поставили наши предки, – старик в задумчивости почмокал губами. – Очень, очень давно... Три брата Ханахеен, что привели наш народ на новую землю из древней Вёёни.

Глаза Пойкко снова впились в истлевших от времени истуканов, наполненных теперь совершенно новым смыслом – ведь их вытесали братья-герои, что воспевались в старинных песнях. На всех празднествах ныне живущие воздавали хвалу трём смельчакам, которые первыми прошли вдоль Еловой реки и достигли пределов Похъёлы⁹. Вёёниемин, Атхо и Алмори – так звучали их имена. В возбуждённом сознании Пойкко всплыли не раз слышанные слова:

Трое братьев от народа,
Что пошли вослед суури,
Вслед суури толстобоким
В Похъёлы просторы дикой...

Упираясь ногами в липкую глину, оскальзываясь, припадая то на одно, то на другое колено, Атхо всем телом толкал неподатливое бревно, вывоженное в жидкой грязи. Сверху, свесившись над откосом берега, ему помогал младший брат. Оба усталые, грязные, со взмокшими спинами, тяжело отдувались при каждом новом рывке. Атхо всюду налегал плечом, медленно, тяжело поддавая оскобленное до блеска бревно к кромке крутого берега. Алмори за веревку, сплетённую из размятых и выпаренных ивовых побегов, локоть за локтем подтягивал его кверху. С его пышущего жаром ли-

---

⁹ Похъёла (от финского Pohjola – Страна севера) – далёкая суровая страна в карельских эпических песнях (рунах) и в поэме «Калевала».

да струйками сбегал грязный пот, на шее и руках вздулись налитые кровью вены. Вот бревно уже достало верхним концом до нависшей кромки тёмной земли, вот уже начало переваливаться через край берега. Алмори, всё дальше отходя от края, тянул быстрее и быстрее. Атхо в последний раз даванул плечом и руками, и бревно поволочилось по мятой траве, а затем гулко ударилось об уложенные ранее стволы. Судорожно хватая ртом воздух, Атхо утёр усы и бороду рукавом и стал карабкаться вверх, где его брат уже отдыхал, усевшись на брёвнах. Атхо устроился рядышком и вытянул длинные ноги.

Светлый осенний день перевалил на вторую половину. Неяркие солнечные лучи светлыми пятнами ложились на выцветшую траву и моховые проплешины, проникая сквозь частокол елового леса. В воздухе носились возвращённые к жизни поздним теплом большие чёрные мухи, в расцветенных сочной зеленью кронах щебетали птицы. В голубоватой вышине неслись встреч низкому солнцу клинья перелётных гусей и уток, подгоняемые наступающим из Страны мрака лютым холодом. Атхо бросил взгляд через плечо на заготовленные брёвна: впереди предстояло ещё много трудов, это было лишь самое начало. Но ставший уже привычным, этот труд не тяготил – в нём и заключался смысл их долгого путешествия.

Отдышавшись, братья вновь поднялись и, взявшись за верёвки, начали перетаскивать брёвна к стоянке.

К вечеру они перетащили от берега все заготовленные обрубки стволов и принялись поджаривать над костром пойманную ещё утром рыбу. Пока она готовилась, Атхо и Алмори намечали предстоящие дела на завтрашний день. Помимо заготовки столбов, им необходимо было подумать о пополнении съестных запасов – требовалось всерьёз заняться ловом рыбы или охотой. У них имелась сеть, которую они захватили с собой из родного стойбища, но она была слишком мала для того, чтобы можно было рассчитывать на сколь-нибудь значительный улов, да к тому же нуждалась в починке. Они уже давно были озабочены этим досадным положением и собирались смастерить новую, но руки до сих пор так до этого не дошли до этого – не хватало времени. Поэтому, чтобы иметь возможность быстро завершить начатую на стоянке работу, не отвлекаясь на поиски добычи, и чтобы скорее продолжить путь, им нужно было создать запас, которого хватило бы на два-три дня. Значит, решили они, одному из них надо идти добывать зверя, а другому продолжать начатые труды.

Когда рыба поспела, и пара невеликих окуньков была отложена на утро, они с жадностью накинулись на еду, не забыв предварительно угостить хёнки. От небольшой шуки и двух окуней очень скоро осталась лишь горстка костей.

Солнце ещё не опустилось за мохнатые верхушки елей, и потому можно было заняться каким-нибудь насущным делом или попросту отдохнуть. Алмори разложил содержимое

своей сумы, отыскал костяную иглу, проколку, извлёк из мешочка моток сухожильных нитей и, разувшись, принялся починять свои пэйги¹⁰. Атхо встал, прошёлся по лагерю и остановился над сваленными в кучу стволами, задумчиво покусывая губы. Стоял долго, потом отвернулся и поспешил к шалашу. Глаза его сверкали внутренним огнём. Он забрался в куvas, а когда вновь вылез наружу, в руках у него был топор и каменное долото, а на поясе висела маленькая деревянная колотушка. Под внимательным взглядом брата Атхо вернулся к стволам, стал ходить над ними, тщательно осматривая, выбрал один, откатил его от прочих и, усевшись на корточках, взялся за инструмент. Алмори опустил глаза и вернулся к работе – когда брат оживляет предков, ему лучше не мешать.

Усевшись на толстом конце бревна, Атхо провёл пальцами по его гладкой поверхности, точно ощупывая что-то скрывающееся под выбеленной древесиной. Губы его при этом беззвучно шевелились. Затем он начал процарапывать на дереве прямые и изогнутые линии, иногда останавливаясь и что-то прикидывая в уме, потом опять бороздил камнем дерево. Постепенно, сначала едва различимая, из рта его полилась ровная мелодия. Это была древняя как мир песнь Первых людей, вышедших из четвёртого яйца Соорисо¹¹ – Великой Матери-утки. Священная, прошедшая сквозь века песнь

---

¹⁰ Пэйги – обувь, кожаные поршни.

¹¹ Соорисо – прародительница жизни (из общих самодийских, эвенкийских и финно-угорских мифов о сотворении мира).

об Изначальных временах, о том, как Соорисо ныряла в глубокие бескрайние воды за донным илом и строила из него землю, как поколение за поколением землю заселили Дети первого яйца – деревья и травы, Дети второго яйца – рыбы и птицы, Дети третьего яйца – всякие звери, большие и малые, и, наконец, люди. Древние слова, подчас утратившие вложенный в них смысл для ныне живущих, но неизменные, неподвижные как неподдающиеся переменам основы мироздания.

Он пел, а руки его сами собой работали: где ударом топора снимут толстую щепу, где пройдутся теслом с глухим перестуком колотушки по его верхнему краю, отделяя завитую стружку. Слой за слоем, снимал Атхо древесные волокна, высвобождая из их недр первопредка. Трудно и медленно, с неохотой выходил он из дерева, да и то лишь поддавшись волшебству священного пения. Выступили массивные надглазья, долгий прямой нос. Ещё несработанный лик уже пробуждал трепет. Голос Атхо дрожал от волнения, но руки уверенно и привычно делали должное. Вот под нависшим лбом деревянного предка появилось глубокое заглублие. Охотник сделал охранительный знак, дотронувшись до своего лица – магическая сила, проистекавшая из потустороннего мира, могла и навредить. Открывающий глаза предков должен действовать правильно, иначе он рискует навлечь на себя гнев Тех, Кто Давно Ушёл. Общение с их миром всегда сопряжено с опасностью, и не всякий мог отважиться на та-

кое. Но Атхо мог. Это было его дело – дело, которое он знал, к которому уже привык, как привыкает человек к одежде, без которой уже не знает как жить, если приходит время заменить её новой.

Пропев песнь до конца, мастер заводил её снова. Работа спорилась. К тому моменту, когда Атхо, словно пробудившись от благостного сна, отложил инструменты, солнце уже опустилось за край земли. Промеж его расставленных колен смотрел в залитое прозрачной бирюзой небо готовый деревянный истукан – куванпыл, первый из тех, что вскоре снова родятся в мире людей, обретя новое тело.

Тихо подошёл Алмори и заглянул через плечо брата. Его всегда удивляла и поражала способность Атхо вызывать с помощью пения и топора души предков. Редкий дар брата внушал уважение и благоговейный страх. Сам он, лишённый всяческой способности к такого рода занятиям, не представлял себе, как можно вдохнуть жизнь в казалось бы мёртвый кусок дерева.

– Первый, – негромко произнёс он над ухом Атхо, разглядывая новоявленный куванпыл. – Другие тоже быстро родятся, – не то утвердил, не то спросил он.

Атхо кивнул:

– Они уже ждут, песня их разбудила.

В сердце закралась опустошённость, обычная после возни с куванпылом, сладостная и беззаботная. Руки слегка подрагивали – ведь он ни разу не прервался даже на краткий

отдых, всецело окунувшись в работу с головой. Теперь же напряжение начало сказываться. Впрочем, это тоже было не ново, так получалось всегда. Если Атхо брался за топор и тесло, то уже не мог остановиться, пока не довершит начатое.

Вдвоём они прошлись вокруг стоянки и пополнили запас дров. Затем попросили заступа от лесного зла у хёнки, собрали разбросанные вещи и отнесли их в куvas. Осенние вечера коротки: свет, исходивший от неба, быстро померк, из чащи начал наползать холодный мрак. Они развели костёр, подтащили несколько толстых лесин, которым надлежало гореть до рассвета. Пока не стоят на страже куванпылы, человеку нельзя без огня – юхти не дремлют! Без огня и хёнки слаб.

За день братья устали пуще, чем от последнего перехода, и потому, едва на небе проступили звёзды и поднялся месяц, пролезли в шалаш и повалились на душистую подстилку из лапника, успев лишь напоследок потерять живот небольшой деревянной кукле – хранителю куvasа, которого носили с собой от стоянки к стоянке.

Среди ночи Атхо неожиданно для самого себя открыл глаза.

Что его разбудило, он не знал. Толи какой-то звук, толи что-то ещё – не ясно. И в шалаше, и снаружи было тихо, по крайней мере сейчас. Он затаил дыхание и прислушался. Ничего. Ничего, что могло бы привлечь его внимание. Только потрескивание дров в костре, сполохи от которого играли

сквозь просветы в кровле куваса.

В костре прогорело и обрушилось бревно, взметнув облако огненных светляков. На миг всё вокруг осветилось. Алмори сладко спал, прикусив кончик большого пальца. Лицо его было по-детски безмятежным. Атхо неуверенно поднялся с ложа и на четвереньках протиснулся наружу. Поднявшись с колен, он нетвёрдой походкой направился к костру, чтобы поправить развалившиеся дрова. Он подкатил отскочивший от падения кусок сухостоины, уложил его прямо в пламя, подбросил валежника, сверху водрузил мокрый от гнили полуистлевший пенёк – сохнуть и гореть пень будет долго. Затем разогнулся и посмотрел на хёнки – губы безо всякого принуждения зашептали слова молитвы.

Он уже подался в сторону куваса, когда краем глаза уловил какое-то движение справа от себя: в темноте ночного леса промелькнуло что-то ещё более тёмное. Атхо почувствовал, как по спине его пробежали мурашки, в голове вдруг исчезли сразу все мысли, а в ушах зазвенело от напряжения. Он медленно повернул голову туда, где заметил движение. Глаза упёрлись в сплошную чёрную пелену – ничего. Обострившийся слух тоже ничего не улавливал. В воздухе повисла зловещая тишина.

Он стоял посреди площадки их крошечной стоянки, боясь шелохнуться и ожидая, что любое его движение может вызвать появление того, что внушало ужас в самого отважного охотника. Но темнота была неподвижна и безмолвна.

Атхо медленно огляделся. В воздухе явно что-то витало. Обострённое внутреннее чутьё, развитое годами скитаний по охотничьим тропам, подсказывало ему, что окружающий мрак таит в себе неведомую угрозу. Слишком глубокой была тишина. От реки в спину пахло влажным холодом, в нос ударил густой запах тины. Атхо передёрнул плечами не то от озноба, не то от леденящего страха, волнами расходящегося по жилам.

Ваятель куванпылов, Атхо сам словно бы превратился в деревянного истукана – замер на месте, не находя в себе сил пошевелиться. Меж еловыми стволами поползли ключья седого месяца тумана. И сразу всё вокруг как будто ожило, пришло в движение. В мареве тумана проступали и исчезали вновь силуэты деревьев, тянули костлявые пальцы сухие еловые ветки, трепетали редкими уцелевшими листочками тонкие побеги ольхи и рябины.

Они здесь! – билась в голове одна мысль.

Атхо где-то в глубине души ещё надеялся, что всё это ему просто показалось, что никого в лесу нет, но холодный разум уже отверг всякие сомнения – ОНИ пришли, ОНИ уже здесь!

В шалаше зашевелился Алмори. И тут же тьма всколыхнулась у самого куваса. Нечто чёрное, кудлатое задвигалось, засопело и отшатнулось, отплыло в сторону и исчезло. Алмори что-то мычал спросонья, шелестел ветками подстилки. Атхо хотел было окликнуть его, упредить, но голос сорвался, осёкся, в уголках глаз выступили слёзы. Охотник, перевоз-

могая оцепенение, на негнущихся ногах медленно зашагал к шалашу, не отрывая глаз от матового мрака позади себя. Он понимал, что того, кто бродит вокруг стоянки, может отпугнуть только хёнки в союзе с огнём. Он не мог противостоять порыву поскорее добраться до оружия, сжимая в руках которое он всегда чувствовал себя в относительной безопасности. Да и брата нужно выручать – слишком близко подкралась опасность.

Не дойдя до шалаша с десятков шагов, он углядел движущееся тёмное пятно слева. Оно двигалось параллельно ему, держась на границе света. Это нечто было совсем рядом. Атхо отпрянул, замахал руками.

Из шалаша высунулась голова Алмори. Он вытаращился на брата, который, странно расставив руки, вприсядку, пятился к шалашу. Алмори позвал его. Атхо повернул к нему искажённое ужасом лицо, глаза его дико вращались. Алмори кинул взгляд поверх плеча старшего брата и сам задрожал – он увидел, что так напугало Атхо.

Окутанное клубами подсвеченного тумана, на краю утоптанной площадки лагеря, хоронясь в тени дерева, на котором горел в оранжевых бликах костра лик хёнки, стояло огромное двуногое существо. Оно переминалось на коротких ногах, а руки его толщиной с дерево свесились книзу. Грузное тело существа, так и не обретшее чёткости в зыбкой пелене тумана, тихо покачивалось. Горящие глаза его были устремлены прямо на братьев. Нежное дуновение ветерка доносило

до охотников сильный звериный дух.

Алмори, не отрывая взгляда от грозного чудовища, нащарил рукой копьё и подался вперёд, осторожно вылезая из куvasа. Существо шумно зафыркало, бока его стали усиленно вздуться. Обоим охотникам показалось, что оно вот-вот бросится на них. Но чудовище продолжало стоять, словно дразня их тягостным ожиданием неминуемого. Алмори выпрямился и, выставив копьё, встал рядом с братом.

По вершинам елей пробежал ветер. Туман дрогнул и поплыл в лицо изготовившихся к бою охотников. Мохнатый силуэт под деревом хёнки расплылся и оторвался от земли, словно утратив вдруг телесную тяжесть. Следующая волна испарений рассеяла видение: всё заволочло густым маревом, сквозь которое лучился теряющий контуры жёлтый сгусток горящего костра.

Алмори и Атхо, придвинувшись друг к другу, всматривались в туман, ожидая нападения. Толстое древко копья подрагивало в стиснутых до боли пальцах Алмори. Оба шептались про себя слова охранительных молитв, уверенные, впрочем, в том, что исход предстоящего поединка предрешён: разве может человек одолеть противника, наделённого силой Тайко¹²?

Мгновения тянулись, время словно остановилось, казалось, что они уже погружаются в вечность, вместе с окутавшим их туманом уносясь в чертоги небытия.

---

¹² Тайко – животворящая сила, мировая душа.

Между тем туман становился всё гуще и гуще: теперь уже трудно было разглядеть вытянутую руку. Самое время для стремительного нападения, тем более, свет костра, отгоняющего нечисть, померк.

Но время шло, а ожидаемой атаки так и не последовало. Лицо Атхо, до того искривлённое почти до неузнаваемости гримасой всепоглощающего страха, начало приобретать естественное выражение, только желваки на худых щеках ещё продолжали ходить вверх-вниз, выдавая внутренние переживания охотника. Алмори внешне казался непоколебимым: глаза его светились готовностью к схватке, которая должна была стать последней в его жизни, а на побледневшем лице читалась отчаянная решимость.

Снова набежал ветер. Его сильный порыв разорвал гущу туманного покрывала и разметал её по затаившейся чаще. По-прежнему весело металось пламя, всё так же безучастно взирал со своего места хёнки. Лес, как и прежде, был тёмным и молчаливым. И странного существа – не то медведя, не то человека – нигде видно не было. И в наполненном свежим шумом раскачивающихся ветвей воздухе уже не чувствовалось присутствия Тайко.

– Похоже, не юхти кружили ночью вокруг куваса.

Братья стояли возле дерева с ликом хёнки и в утреннем, ещё тусклом свете разгорающейся зори разглядывали приямый мох у себя под ногами.

– Вот тут когти процарапали землю, – рассуждал Атхо, задумчиво накручивая пряди своей бороды на палец. – Оно было большое и тяжёлое. Смотри – вмятины, где оно стояло, глубокие. А вот тут оно встало на четыре ноги и пошло в лес. И следы-то у него...

– Медвежьи, – кивнул Алмори.

Атхо распрямил спину и задумчиво посмотрел на брата.

– Звери, как и люди, ночами не ходят, – заметил Алмори. – Те, в ком заключена Тайко, могут менять свой облик как того пожелают. Так старики говорят.

Атхо закивал бородой, сам начав припоминать древние легенды, слышанные им в далёком детстве и навсегда оставившие след в его памяти. Да, действительно, часть древней Силы воплотилась в юхти, водяных и прочей нечисти. Даже люди, и те носят в себе толику Тайко. И звери, и птицы, и рыбы. Даже деревья и травы. Тайко присутствует во всём, что живо. Она вездесуща. Она ни злая, ни добрая. Всё зависит от того, кто ею обладает.

– Я думаю, – после долгого молчания вновь заговорил Атхо, – что это были не юхти. Они ходят скопом, а этот вроде был один. Думаю, это всё ж таки кто-то другой.

– Тогда кто? Медведь не мог, юхти – тоже. Кто ж тогда?

Атхо повернулся спиной к лесу и, продолжая теревить бороду, зашагал к потухшему, испускающему тонкую струйку дыма, костру. Алмори проводил его взглядом, пожал плечами и неспешно пошел вслед. Он давно привык к тому, что Атхо подчас бывает странен: обрывает разговор на полуслове и замолкает по своему разумению. И тогда до него не докричишься – отмахнётся только.

Атхо забрался в шалаш, отцепил подвешенных к шести жареных окуней и вылез наружу. Одного сунул брату. Опустившись на одно из брёвен, начал есть, из-под нахмуренных бровей разглядывая свою вчерашнюю работу. Теперь, утром вытесанный с вечера куванпыл уже не казался таким уж безупречным. Почему-то в глаза бросались одни недостатки творения: там недотесал, там не поправил, а там и вообще перестарался. Наверное, это от того, что ночь выдалась трудная. Ведь после того, как неведомое существо ушло (или рассеялось в воздухе), они больше не сомкнули глаз, ожидая его возвращения. К счастью, ждали напрасно – оно так и не появилось во второй раз. От того и видится всё каким-то мрачным – сказываются страх и усталость. Но переделывать всё равно не станешь, некогда – надо остальные куванпылы

делать. Этот пускай таким остаётся.

Ещё ночью они решили, кто и чем займётся с наступлением утра. Поэтому, завершив скудную трапезу, Алмори захватил лук и стрелы и отправился на охоту, оставив брата вытёсывать новых идолов. Конечно, брёвен нужно бы принести ещё, да таскать их в одиночку не очень сподручно. Потому братья решили, что будет полезнее, если Атхо в отсутствие брата займётся куванпылами.

Когда мелькавшая сквозь деревья спина младшего брата окончательно скрылась от глаз, Атхо взялся за инструменты. Поначалу невесёлые навязчивые думы, возвращавшие его к событиям минувшей ночи, не давали ему сосредоточиться. Начал он несмело и через силу. Взявшись за долото и колушку и смахнув пару стружек, он откладывал их, хватал топор, потом отбрасывал и его, снова тянулся за продолговатым кремнёвым теслом. Погрузившись в задумчивость, безо всякого смысла наглаживал пятернёй белёсый ствол, колупал ногтем какую-то зазубринку. Иной раз вставал, ходил вокруг брёвен, меряя шагами их длину. Садился, вставал, опять садился и начинал скоблить и врубаться в початый ствол. Но никак не мог вызвать перед внутренним взором образ первопредка. Его начали даже одолевать сомнения в том, что сегодня у него вообще что-нибудь получится – возможно, предки просто не хотят выходить в этот день из своего обиталища. Но постепенно лишние мысли отходили, прятались куда-то вглубь, становясь не такими скребущими, как

сначала. Рука всё реже выпускала инструмент, щепы и стружки прикрыли моховую зелень возле оживающего бревна. Работа пошла. Вскоре Атхо всецело погрузился в неё, не замечая, как течёт время. Закончив выделывать первого куваныла, едва переведя дух и встряхнувшись, он взялся за следующее бревно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.